DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

оригинальная статья
УДК 316.75

Использование биографического метода в социально-политических исследованиях

Владислав А. Рычков [a, @, ID]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] Vladislav-rychkov@ya.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5771-2995

Поступила в редакцию 07.08.2020. Принята в печать 20.10.2020.

Аннотация: Показан пример применения биографического метода в изучении политики памяти. Эмпирической базой послужили архивные источники, личные документы и опубликованные семейные воспоминания иностранных граждан, репрессированных в 1930-е годы. Показаны преимущества использования метода в гибридном методологическом комплексе в комбинациях с методиками в формате междисциплинарного подхода. Описаны техники процедуры гибридизации в составлении методологического исследовательского комплекса для изучения эмпирического материала. Гибридная методологическая позиция позволила реконструировать жизненный путь человека на фоне исторической ситуации в стране, понять контекст его жизни, смыслы и цели в конкретных исторических условиях. Результатом исследования биографий репрессированных иностранцев стало обоснование типичной биографической ситуации, которая воплотилась в абрис типичной судьбы этих людей. На фоне типичной судьбы иностранцев, подвергнутых репрессиям в России, единичные биографии выглядят выпукло, подчеркивая и массовость практически одинаковой событийности, и личный опыт людей, переживших ситуацию репрессий. Автором обосновано применение биографического метода при изучении проблем формирования политики памяти, воплощенной в разных сценариях. Сделан вывод о необходимости формирования в России политики памяти, согласующей разнородные по смыслам нарративы социальных групп с целью укрепления гражданской солидарности.

Ключевые слова: социальная память, политика памяти, социокультурный подход, качественная исследовательская парадигма, гибридный методологический комплекс

Для цитирования: Рычков В. А. Использование биографического метода в социально-политических исследованиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 486–495. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

Введение

Социальные исследования политики памяти носят междисциплинарный характер. Это находит отражение в методологии социально-политических исследований, касающихся ментальных характеристик социальных групп, общностей. Социальная память дифференцирована. Разнородность пластов и смыслов памяти невозможно измерять одномерными количественными методами, данный объект исследования вообще сложно подвергнуть измерительным процедурам. Но для определения сбалансированных стратегий политики памяти актуальным становится выявление содержания памяти социальных групп, смыслов, в которых люди видят и понимают события истории России.

Ведущими в исследовании социальной памяти считаются социокультурный и историко-сравнительный подходы в комбинаторике со специальными методами, предполагающими опору на междисциплинарные методики социологической и исторической наук. Соединение подходов и соответствующих им методов является одним из приемов работы с гибридными исследовательскими комплексами. Политика памяти опирается на образные представления, содержащиеся в нарративах. Она стремится подменить собой историческую память, внедряя противоречивые конструкты, вызывающие конфликты. Использование биографического метода в социально-политических исследованиях позволяет рассмотреть проблемы государства в фокусе личностного понимания событий прошлого, вплетает семейные истории свидетелей и очевидцев событий в историю государства.

Методы и материалы

Стратегии гибридизации, с одной стороны, сохраняют традиционные принципы количественных концепций, с другой стороны, позволяют использовать методы разных гуманитарных дисциплин. В исследовании процессов формирования политики памяти мы соединили методы социокультурного подхода (П. А. Сорокин, А. С. Ахиезер) с техниками историко-сравнительного и феноменологического подходов. При использовании социокультурного подхода акцент делается на интеграции социального и культурного в структурах бытия человека, на ценностной основе понимания социокультурного процесса. Мы использовали биографический метод, контент- и дискурс-анализ, которые

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

оформились в гибридный исследовательский комплекс на основе междисциплинарного подхода.

В поле зрения исследователя попадают разные сферы жизни, сочетающие макро- и микроуровни отношений человека и структур общества, особенности функционирования социальности в пространстве культуры [1, с. 9]. Сравнительный анализ понимания исторических событий разными социальными группами проводится с учетом окружающего их исторического контекста. Он предполагает методическую вариативность, являясь одним из методов компаративного подхода. В рамках феноменологического подхода внутренний мир индивида рассматривается как социологически значимое явление: он утверждает значимость субъективных оценок и переживаний для анализа социальной реальности. «Концептуальная основа междисциплинарных исследований… может формироваться в виде гибридного методологического комплекса, объединяющего методы исторических наук, потенциал социокультурного, генетического, феноменологического подходов в комбинации с методами социальной генеалогии и качественного анализа» [2, с. 135].

Ученые рассматривают противоречие исследовательских парадигм «с позиции комбинирования методов, способных компенсировать слабые стороны и усиливать методические возможности концепций» [3, с. 45]. Гибридные стратегии решают методологическую проблему баланса объективности / субъективности, позволяя проследить, как судьбы людей складываются в типы жизненных стратегий на фоне социально-исторического контекста. Исследования в русле гибридизации методов качественно-количественной парадигмы с использованием методик междисциплинарного подхода опираются на интерпретативный характер анализа, работу со смыслами социального дискурса, формирующегося вокруг исторического события. Смысл масштабных исторических событий можно понять через «подробное изучение чрезвычайно мелких явлений» [4, с. 27]. Социокультурный и сравнительный исторический анализ помогают осмыслить макропроцессы социальной памяти, включая в свою структуру техники количественного анализа (анализ документов, вторичный анализ). Микроуровень мнемических процессов изучается методами качественной парадигмы (биографический метод, контент-анализ).

По мысли Е. Ю. Рождественской и В. В. Семеновой, «когда исследователь работает с биографическими данными, есть возможность определить отдельные социальные позиции респондента как "точки", которые он занимает в определенном пространстве / времени… путем соединения этих точек в некую кривую… можно их представить уже как… кривые жизненного пути, которые обладают специфической конфигурацией…» [5, с. 5]. Л. Ю. Логунова акцентирует внимание на правилах работы с нарративами: «все интерпретации корректны, ибо дифференцированы по социальной принадлежности, степени вовлеченности в события» [6, с. 230].

Социальная память в ее дифференциации, воплощенной в нарративах свидетелей исторического прошлого стала центром нашей научной рефлексии. Предмет исследования – политика памяти, которая сегодня становится проблемой общественного сознания нации. Внедряясь в него, она манипулирует образами социальной памяти, подменяет собой историческую память, вбрасывая идеологемы, как правило, не способствуя согласию и солидарности дифференцированных памятью о прошлом социальных групп. Работа с нарративами с помощью биографического метода приближает исследователя к адекватному понимаю социально-исторической ситуации. Биографический метод помогает понять нарративы – цельные сюжетно-смысловые повествования, выражающие идентичность социальных групп. Это синтетический метод, родившийся на стыке разных наук. От исторической науки биографический метод заимствовал принцип изучения микроисторий жизни, конкретизированных переживаниями их героев, от искусствознания – синтез объяснения и понимания, основных этапов жизненного пути индивида.

Психоанализ и персонализм повлияли на логическую структуру биографического метода: анализ жизни проводится в соответствии с жизненными циклами в синтезе биологического, исторического, социокультурного. Биографический метод помогает «связать процессы личности с процессами жизни культуры, историю общества с историей человека, его пониманием обстоятельств жизни, включенных в глобальные социокультурные и исторические процессы» [1, с. 152].

Социологические достоинства метода заложены в идее «биографической ситуации» [7–9]. Жизненные факты индивидов в рамках биографической ситуации воплощаются в нарративные повествования, достойные научного анализа. Ретроспективность, реконструкция и опора на источники в работах, базирующихся на биографическом методе, сближают их со сравнительно-историческими исследованиями и «биографической историей» школы Анналов (Л. Февр и М. Блок [10, с. 7]). Исследование нарративов и их взаимодействия на поле памяти, формирования различных политик памяти на их основе помогает понять, какую роль играют воспоминания социальных групп в процессе осмысления социумом собственной истории.

П. Бурдье полагает, что социальная реальность является «представлением или продуктом представления во всех смыслах этого термина» [11, с. 48]. Она пронизана образами, которые отбираются группами для выражения собственной идентичности. Агенты групп используют эмоционально окрашенные образы прошлого для создания нарратива – повествования о значимых исторических событиях с точки зрения группы. Нарратив не просто описывает факты. Он конституирует осмысленную и целостную последовательность событий из жизни человека, представляя действия людей в качестве объективных связей и отношений: «События фиксируются…

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

благодаря нарративным усилиям самих респондентов, когда каждое событие описывается респондентом как связанное с другими и обусловливает их» [12, с. 155]. Е. Ю. Рожественская отмечает, что «нарративы… подлежат прагматическим и синтаксическим правилам, ситуативно и темпорально определенны… контекстуальны, т. е. для эффективной коммуникации необходим общий фонд означенного опыта, солидаризирующий группу / поколение / классы / нацию, селективно отобранных знаний и верований и т. д., в противном случае производство и понимание дискурса будет затруднено или невозможно» [13, с. 54].

Ведущую роль в формировании нарратива играет память как «временная составляющая идентичности, наряду с оценкой настоящего и планированием будущего» [14, с. 29]. В нарративах запечатлены судьбы людей, перипетии истории социальных групп в качестве логически изложенного повествования: «нарративы передают динамику травматичного опыта от латентных форм переживания, фигур умолчания к частичному их проговариванию и далее – к дискурсивной детализации пережитого» [15, с. 380]. В поддерживаемых властью нарративах представлены смыслы интерпретации национальной истории. В этих разнообразных повествованиях нет (и не может быть) смыслового единства. Каждый субъект будет отстаивать свое право на нарратив, защищая свой смысл. В этом особенное свойство социальной реальности: она бесконечно объективна во всех субъективных представлениях о ней. Между собой нарративы могут находиться в отношениях комплиментарности, агонизма, антагонизма или индифферентности в зависимости от статуса социальных групп и их взаимоотношений в публичном пространстве. Нарратив поддерживает идентичность группы и отвечает на актуальные вопросы современности. При помощи нарратива группы «обретают голос» в социально-политических дискуссиях, утверждая свою уникальность и право на память в публичном пространстве. Когда репрезентация нарратива социальной группы затруднена, формируются «ментальные неврозы», травмы памяти. На микроуровне нарративы связаны с жизненными траекториями индивидов, на макроуровне – используются властью для формирования политики памяти, которая определяет смыслы понимания прошлого, связывает образы прошлого с потребностями современности.

Идеальный сценарий такой политики – создание дискуссионной площадки для диалога исторических нарративов. Но реальная социально-политическая ситуация представляет собой тлеющий конфликт между смыслами исторических нарративов, что проявляется в реализуемых неоднозначных или противоречивых политических решениях в сфере исторической памяти. Эти ментальные сражения происходят на поле памяти – «пространстве, в котором находятся агенты и институты, производящие, воспроизводящие и распространяющие искусство, литературу или науку» [16, с. 51]. Память – «микрокосм, наделенный своими собственными законами» [16, с. 51]. Но всегда есть опасность, что на полях социальных взаимодействий, которые есть суть социальной реальности, «результаты рационально осмысленных действий нередко оборачиваются прямо противоположными последствиями» [17, с. 19].

Поле памяти – это наша исследовательская площадка, которая представлена в качестве арены отношений диалога или конкурентной борьбы между политическими акторами и агентами социальных групп. Специфической ставкой в победе в ментальном мнемическом сражении является монополия на использование образов прошлого, с целью легитимации (или делегитимации) правил политической игры.

В России социальные группы, пострадавшие от репрессий, длительное время не имели возможности публично заявить о своем праве на память, репрезентовать в политическом пространстве свой легитимный нарратив. История советских репрессий вызывает сочувствие у граждан, но не имеет легитимности, достаточной для общенационального признания трагедии. Травматический опыт национальной истории используется агентами власти и акторами социальных групп с целью наращивания собственного символического капитала в этом мнемическом конфликте смыслов и исторических нарративов.

Мы изучаем процессы формирования политики памяти в двух проекциях: макро- и микросоциальной плоскости. Макросоциологический подход анализирует динамику изменений больших социальных систем, помогает увидеть, как меняется институциональный фон обыденной жизни в истории. В микросоциологическом подходе социальная реальность рассматривается как результат действий индивидов, зависимый от их внутреннего мира. Интерпретация фактов покоится на методологической позиции качественной социологии: факты социальной жизни являются «"чьими-то" – в сфере жизненного опыта каких-либо индивидов или коллективов, которые с этими фактами сталкиваются, наблюдают, познают их, переживают, интерпретируют, оценивают» [18, с. 19]. Между двумя уровнями реальности установлена тесная взаимосвязь: макрообщественные изменения «непосредственно влияют на функционирование групп в микромасштабе, на повседневную жизнь отдельных людей… история переосмысливается в биографиях людей» [18, с. 478]. Биография становится точкой пересечения макро- и микроанализа.

Биографический метод состоит из совокупности методик качественного анализа – сбора информации из писем, интервью, дневников, протоколов наблюдений и методов ее интерпретации. По мнению Л. Ю. Логуновой, с его помощью можно восстанавливать биографии людей, семей, социальных групп, общностей, используя уникальные возможности смысловой интерпретации событий респондентами [1, с. 154]. Н. К. Дензин рассматривает биографический метод как исследование

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

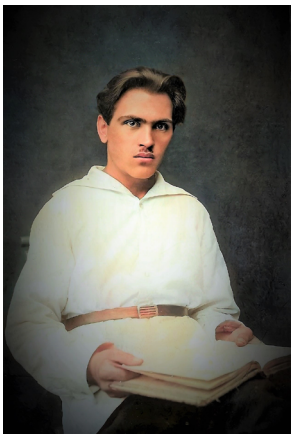
переживаний человека или группы на основе анализа широкого круга эмпирических источников: от писем до автобиографий, от газетных сообщений до протоколов судебных заседаний [19, с. 183]. Ф. В. Знанецкий считал, что «результаты применения биографического метода есть характеристика переживаний, ощущений или деятельности, мыслительных или практических действий членов… социальных групп» [20, с. 106]. Биографический метод рассматривает жизнь человека в связи с конкретной социальной и культурной ситуацией, ибо «только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысловременной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления» [21, с. 138].

Биографический метод упрекают в субъективности оценок. Но этот упрек касается именно достоинства метода. Среди множества усредненных оценок, которые принято считать объективными, данные, полученные биографическим методом, сохраняют уникальность и типичность смыслов и суждений респондентов. Сочетание с количественными методами, процедуры триангуляции, гибридизация исследовательского комплекса позволяют получить действительно объективную картину представлений о социальной реальности при сохранении субъективных мнений о ней. «Исторические ситуации и их социальные характеристики выстраиваются на основе сравнительного анализа неофициальных и официальных нарративов… Конечный результат применения метода заключается не в оценке жизни конкретного человека, а в осмыслении социокультурных характеристик исторической ситуации, которая повлияла на эту жизнь» [1, с. 160].

Мы комбинировали интерпретацию данных биографических интервью с данными контент-анализа массива материалов, посвященных теме репрессий советского периода истории России. Такими источниками стали:

- архивные исторические документы (материалы коллективного архивного уголовного дела (АУД) № П-1644 архива УФСБ по Ульяновской области и материалы АУД № 275 архива УФСБ по Пензенской области[1] документы 1920–1990-х гг., связанные с жизнью Ф. Томэчка, полученные из Российского архива социально-политической истории (13 документов);
- воспоминания о Ф. Томэчка, опубликованные его потомками (3 личных документа).

Интерпретация собранного эмпирического материала оформилась в процедурах плотного описания и типизации жизненных стратегий репрессированных иностранцев.



Франтишек Томэчка (1906–1938)
František Tomečka (1906–1938)

Результаты

Плотное описание нарративов используется для определения «важных личностных смыслов, восприятия образа жизни определенной общностью» [22, с. 186]. Исследователь изучает биографию человека с целью обнаружения социальных оснований и символических структур ситуации. Это помогает понять, как «работает значение (смысл) в общественной жизни» [23, с. 1], увидеть событие изнутри глазами очевидцев. Описание становится насыщенным, анализируются ситуации, объясняющие эпизоды биографии, интерпретируются значения культурных феноменов [24].

В плотном описании анализируется текст в целом (нарративное повествование) либо отдельный отрывок, эпизод, секвенция (жизненные эпизоды, следующие в определенном порядке друг за другом). Текст нарратива структурируется по законам логики. Исследователь с помощью метода понимания погружается в смыслы жизненной ситуации человека с целью «вписать» историю его жизни в контекст исторической ситуации. Повествование переводится в анализируемые единицы (секвенции), структурированные по темам (табл. 1). Анализ нарратива состоит из перечисления характеристик жизни человека или группы, фиксации самого события, отношения к нему, культурного и исторического контекстов, понимания субъективной значимости этого события для участников ситуации. С помощью метода плотного описания нами была проанализирована биография Ф. Томэчка, чтобы показать, как в судьбе одного человека преломились события мировой и национальной истории и как они отразились в политике памяти Чехии и России[2] [28].

Судьба Ф. Томэчка имеет сходство с биографией К. Штайнера – югославского коммуниста, эмигрировавшего в советскую Россию в 1932 г. ради построения коммунизма и получившего срок в ГУЛАГе: «родился 15 января 1902 года в Вене. …Вступил в Союз

[1] Архив УФСБ по Ульяновской области. 1932. Т. 1. АУД № П-1644; Архив УФСБ по Пензенской области. 1937. АУД № 275.

[2] Ryčkov V. A. Čech vězněný v Gulagu // Kudlanka. 20.08.2018. Режим доступа: https://www.kudlanka.cz/index.php?option=com_content&task=view&id=9337&Itemid=40&limit=1&limitstart=2 (дата обращения: 10.11.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

коммунистической молодежи в 1919 году. ...Перед угрозой прихода к власти Гитлера, в 1932 году ... приехал в Советский Союз для работы в Балканской секции Коминтерна. <...> Арестован 4 ноября 1936 года как немецкий шпион и приговорен к 8 годам тюремного заключения. ...22 октября 1939 года... дополнительно осужден на 10 лет» [25, с. 7].

При сравнении биографий Ф. Томэчка и К. Штайнера появляется исследовательский концепт – тип судьбы *репрессированные по политическим мотивам эмигранты в СССР*. Дополнением к судьбам основных героев служат упоминания о похожих ситуациях, в которые попали другие иностранцы. Материалы уголовного дела расширили этот тип судьбы людей, репрессированных по политическим мотивам: в коллективном уголовном деле № П-1644 упоминаются А. Рипар и Д. Шагаров, эмигрировавшие в СССР и репрессированные в 1932 г. в рамках «польской операции» НКВД. Мы изучили судьбы эмигрантов из Чехословакии в СССР по источникам, опубликованным на российских сайтах, в количестве 895 биографий[3]. Этих людей объединяет единый тип судьбы.

Ф. В. Знанецкий вводит понятие *определение ситуации*, которое формируется из объяснений участвующих в ней субъектов и скрупулезного анализа их биографии как метода понимания их характеров в социальном действии [20]. Субъекты привносят в каждую социальную ситуацию свои мотивы и модели поведения, обоснованно предполагая, что такой способ действий одобряется другими. Основной опыт людей может быть представлен как типизированное знание. Социолог анализирует не индивидуальные или уникальные качества предметов или людей, а их типические черты. Типизация обозначает процесс, посредством которого люди типизируют окружающий их мир. А. Шюц источником типизации полагает структуры жизненного мира индивидов: «Опуская письмо в почтовый ящик, я ожидаю, что неизвестный мне человек, называемый почтовым служащим, будет действовать типичным, хотя и не вполне понятным мне образом, в результате чего мое письмо достигнет адресата за разумное время» [26, с. 20].

В смысловом контексте А. Шюц определяет типизацию как форму абстракции, которая приводит к «концептуализации обыденного мышления... потому, что наш опыт... с самого начала организуется как подведение под определенные типы» [26, с. 493]. Процесс типизации состоит «в приравнивании черт, релевантных... цели, ради которой данный тип был создан, и в игнорировании тех индивидуальных различий..., которые этой цели нерелевантны». При этом процедуры типизации должны соответствовать четырем постулатам – релевантности,

Табл. 1. Пример плотного описания

Tab. 1. Example of dense description

Протокол допроса Ф. Томэчка[4]	Плотное описание
Родился в семье рабочего, г. Граница, Чехословакия. Окончил гимназию в 1922 году, ...работал учеником сапожника до 1925 года... до 1929 года работал на фабрике рабочим с перерывом 11/2 лет, в армии... В 1926 году... вступил в члены Чешской компартии..., в 1929 г. в связи с репрессиями со стороны Правительства к КПЧ по предложению парторганизации вместе с... Рипар Антонином... были вынуждены выехать в СССР... При переходе границы Польша – СССР мы были арестованы... в Каменец-Подольском... Из Каменец-Подольского нас... отправили в г. Пензу, а оттуда в Керенск. ...в январе 1931 г. 19 числа мы были... приняты в ВКП(б)... В феврале месяце 1931 г. Рипар... был послан на Урал, рабочий поселок Губаху Кизеловского района инструктором физкультуры, где он работал 3-4 месяца и пригласил меня к себе... Я в это время работал в Керенском детдоме воспитателем-инструктором по сапожному делу, получив отпуск, выехал к нему, пробыл там 3 недели... мы поехали вместе, он – в Сызрань, а я – в Керенск... в октябре 1931 г. мне писала его жена из Сызрани, что он уехал неизвестно куда и не знаю ли я его адреса	1. Дата и место рождения: 1906 год, Границе-на-Мораве, Чехия. 2. Культурный контекст: национальность – чех, выросший в Моравии (Чехия), где пересекались различные культуры, нации и религии. Ф. Томэчка эмигрировал из Чехии в СССР. 4. Социальное происхождение: из семьи рабочего. 5. Субъективное значение: вера в коммунизм, открытость к людям, дружелюбие. 6. Факт эмиграции имел значение для последующей жизни, определил его судьбу

[3] См..: Gulag. Online. Режим доступа: http://www.gulag.online/ (дата обращения: 03.08.2020); Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/ (дата обращения: 03.08.2020).

[4] Архив УФСБ по Ульяновской области. 1932. Т. 1. АУД № П-1644. С. 132; Файл: 132. Протокол допроса Ф. Томэчка // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Файл:132._Протокол_допроса_Ф._Томэчка.jpeg (дата обращения: 03.08.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

адекватности, логической согласованности и совместимости. Смысл ее заключается в «соотнесении типа с проблемой, для решения которой он был создан» [26, с. 625].

С помощью типизации эклектические материалы личного характера («документы жизни»), документы архивов организуются в единую смысловую канву, помогающую анализировать исторические события [26]. Мы использовали метод типизации для осмысления схожих биографических ситуаций, выбранных по критерию иностранного происхождения героя. В метод типизации вплетаются техники сравнительного анализа. Сравнительный анализ аналогичных случаев позволил классифицировать стратегии жизни индивидов в похожих обстоятельствах.

Для советских граждан было опасным знать иностранные языки, иметь точку зрения, отличную от партийной линии, критиковать существующие порядки и сравнивать их с условиями жизни в зарубежных странах. Иностранное подданство или опыт жизни за границей делали человека преступником в глазах власти. Как и Ф. Томэчка, К. Штайнер устроился на работу, женился на русской девушке, был обвинен в шпионской деятельности. Основанием для ареста и уголовного преследования послужили его гражданство и знание иностранных языков. Как и у Ф. Томэчка, жена К. Штайнера была русской, и на момент ареста мужей обе ждали детей. Ф. Томэчка, арестованный 27 октября 1937 г. Керенским НКВД, сказал своей жене на прощание: «*Натка, жди меня. Я обязательно вернусь. Ведь я ни в чем не виноват…*»[5]. К. Штайнер тоже считал свой арест ошибкой: «*Жена заплакала, я пытался ее успокоить.*

– Что ты возьмешь с собой? – спросила она.

– Ничего. Зачем мне брать что-либо? Это явное недоразумение, я скоро вернусь домой…» [25, с. 10].

После осуждения мужа С. Штайнер, как и жена Ф. Томэчка, была объявлена женой врага народа и прошла через обструкцию со стороны власти: лишение работы и жилья, стигматизация, материальные лишения и моральные страдания из-за невозможности повлиять на судьбу мужа законными средствами.

А. Шюц подчеркивает, что при типизации необходимо принимать в учет некоторые обязательные основания: а) мир, принимаемый как данность; б) биографически детерминируемую ситуацию. Исходя из этих параметров, можно предположить, что для всех изучаемых нами эмигрантов мир воспринимался (до применения к ним репрессий) как относительно безопасный, стабильный и предсказуемый. Это ясно по факту их эмиграции в СССР, которая не воспринималась ими в как опасное и сомнительное предприятие. Опыт проживания за границей сформировал доверительное отношение к органам власти и дознания, что видно из протоколов допроса Ф. Томэчка[6] (табл. 2) и К. Штайнера: оба прямо и откровенно отвечают на вопросы следователя, будучи уверенными в собственной правоте и невиновности.

Табл. 2. Материалы протокола допроса Ф. Томэчка

Tab. 2. F. Tomečka's interrogation file

Вопрос	Ответ
Как понимать Вашу фразу в письме жене из Губахи (с. Урала) от 7 июля 1931 г., т. е., в то время, когда Вы договаривались бежать в ЧСР, следующего содержания: «Я думаю, что ты мне поверишь, что мне не было большой охоты сюда на этот Урал ехать, но скажу тебе пока, что это была моя обязанность»	Это надо понимать так, что мне надо было договориться с Рипар или о побеге в ЧСР, или же оставаться здесь в СССР, одно из двух: оставаться здесь или выехать обратно…
В письме от 20 июня из Губахи: «Скажи, кто здесь в СССР живет счастливо и спокойно? Я думаю, что никто. Каждому чего-нибудь хочется, и здесь ничего нет. Думаю, как и что будет в дальнейшем, и ничего хорошего не вижу»	Сам не знаю, как это я выразился…
«В Губахе на левом берегу р. Усолье находиться вроде Соловков, тоже находится 2000 лишенцев под надзором и работают все в горе, добывают уголь как принудильщики…, там находятся и хорошие люди… есть белогвардейцы, попы… Ходить туда не разрешается, но я там все же уже два раза был, но по разрешению, очень хотелось узнать их обстановку, их права, обязанности, так я это все узнал…»	Тот сотрудник ГПУ, который был в кружке физкультуры у Рипара, дал нам возможность вместе с ним осмотреть лагерь, были там, на площадке, где устраивали танцы, один из заключенных – белогвардеец-руководитель танцев подсел к нам с Рипаром и вели разговор о жизни в лагере…

[5] Ryčkov V. A. Čech vězněný v Gulagu…

[6] Архив УФСБ по Ульяновской области. 1932. Т. 1. АУД № П-1644. С. 171–172; Файл: 171. Протокол допроса – 28 июня 1932 года // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Файл:171._Протокол_допроса_-_28_июня_1932_года.jpeg#file (дата обращения: 03.08.2020); Файл: 172. Протокол допроса – 28 июня 1932 года // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Файл:172._Протокол_допроса_-_28_июня_1932_года.jpeg (дата обращения: 03.08.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

Из воспоминаний К. Штайнера: «*"1. Карл Штайнер обвиняется в том, что он является членом контрреволюционной организации, убившей Секретаря Центрального Комитета ВКП(б) и Секретаря Ленинградского обкома партии С. М. Кирова; 2. Он обвиняется в том, что является агентом гестапо".*

Дочитав до конца, я рассмеялся.

– Не смейтесь! Это серьезное обвинение, – сказал Ревзин.

Я чувствовал себя хорошо, настроение поднялось.

– Дело абсолютно ясное – речь идет об ошибке. К этому я не имею никакого отношения, – я говорил спокойно и уверенно» [25, с. 14].

Биографически детерминируемая ситуация всех эмигрантов заключена в факте их эмиграции. Это событие послужило основой для изменений их судеб: женитьба на русских женщинах, арест как лиц, прибывших из капиталистических стран с целью шпионажа. Биографии А. Рипара и Д. Шагарова аналогичны судьбе Ф. Томэчка: эмиграция в СССР, трудоустройство, заключение брака, обвинение в шпионаже и заключение в концлагере по сфабрикованным обвинениям. Фабула обвинения всех фигурантов АУД № П-1644 основана на ст. 58 УК РСФСР: рабочих обвиняли в терроризме, покушении на основы государства, срыве сельскохозяйственных работ и шпионаже на иностранную разведку. Факт эмиграции помешал им легально покинуть СССР для того, чтобы избежать репрессий. Судьба Ф. Томэчка – пример того, как биография индивида меняется под действием политики, идеологии, партийных взаимодействий и индивидуального выбора страны проживания.

Репрессированные иностранцы составили группу с похожими судьбами. Следствие по их делам и судебные процессы были идентичны. Для вынесения приговора не требовалось никаких доказательств и состязательного судебного процесса. Родственники репрессированных подвергались моральной и юридической дискриминации только за факт родственных связей: «*Сестра моей бабушки Людвига… родилась после смерти своего отца, 26 июня 1938 года. После ареста Франтишека его беременную жену и ребенка выселили из дома, где они постоянно жили. Они стали жить на квартире у родственников, в коридоре… Наталья как жена "врага народа" была уволена. Она пошла на работу в детский дом, где она, по крайней мере, приносила остатки еды своим дочерям. До 1953 года никто не сообщал Наталье о судьбе ее мужа. Только после смерти Сталина ей сказали, что он умер от рака печени, что не было правдой…* » (из семейной истории Ф. Томэчка [28, с. 55]).

Ф. Томэчка был реабилитирован посмертно решением Военного Трибунала Приволжского военного округа 24 ноября 1956 г. «за отсутствием состава преступления»[7]. К. Штайнер реабилитирован 23 марта 1956 г. Верховным Судом РСФСР.

За рубежом тема тоталитаризма представлена как национальная трагедия. Здесь идет осмысление национальной истории, изучаются судьбы репрессированных. Мемориализация памяти репрессированных воспринимается чешским обществом спокойно и доброжелательно. В России история репрессий практически не включена в государственную политику памяти: доступ к архивам репрессий затруднен, точное количество репрессированных до сих пор официально не названо, организаторам репрессий устанавливают памятники и популяризируют их как мудрых государственных деятелей.

Практически никакого мнемического дискурса о «жертвах идей интернационала» в нашей стране не существует. Попытки общественных организаций и инициативные исследования историков артикулировать память о репрессиях наталкиваются на сопротивление со стороны агентов власти. Идеологи пытаются разыгрывать карту победы и «торжества справедливости». Но принуждение к «исторической правде» одной на всех травмирует общество и искажает пространство социальной памяти. Формируются ложные (стыдливые или героические) представления о реальности, имеющие с реальностью опосредованную связь [27]. Голоса тех, кого ранее было принято не замечать в официальной политике памяти, начинают звучать все убедительнее. Возможность «рассказать» свою версию национальной истории и указать свое место в ней группы репрессированных крестьян, потомков аристократии, представителей интеллигенции, священников получили совсем недавно. Эти люди – свидетели эпохи террора. За них сегодня говорят документы – бесстрастные адвокаты, защищающие право на память репрессированных соотечественников и иностранных граждан.

Заключение

Использование биографического метода в социально-политических исследованиях позволяет соединить исторические и социологические подходы к изучению повседневного мира людей. Биографический метод помогает увидеть личное в водовороте исторических событий. Результаты исследований социальной памяти с помощью биографического метода преодолевают разрыв между макро- и микроуровнем восприятия людьми общего прошлого.

Это метод, дополняющий анализ исторических документов. Исторические даты и факты обогащаются глубинной смысловой эмпирикой, показывающей разные пласты переживаний людьми событий прошлого. Он показывает индивидуальные судьбы, встроенные в историю страны. Использование биографического метода дает представление о разнообразии жизненных траекторий. С помощью техник типизации и плотного описания можно понять, как преломляются в биографиях

[7] Томэчка Франц Адольфович (1906) // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Томэчка_Франц_Адольфович_(1906)#/media/File:24.11.1956_-_Мышаков.JPG (дата обращения: 02.08.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

людей государственные решения, как находят свое отражение разнообразные социокультурные связи, взаимоотношения и конфликты. С помощью биографического метода оказывается возможным воссоздать не субъективные смыслы свидетелей истории XX в.

Биографии репрессированных иностранцев (Ф. Томэчка, А. Рипара, Д. Шагарова) проиллюстрировали эпоху Большого террора, дополняя сухие строки государственных документов эмоциями и переживаниями, а также личными оценками судьбоносных исторических фактов очевидцами.

Литература

1. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ / отв. ред. Л. Л. Шпак. 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2015. 368 с.
2. Логунова Л. Ю. Стратегии и техники гибридных исследовательских комплексов // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VII Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 28–29 марта 2014 г.) Белово-Велико Тырново, 2014. Ч. 4. С. 133–137.
3. Logunova L. Yu., Mazhenina E. A., Nyatina N. V. Methods of collecting and analyzing of civil initiatives to improve the life-support system // Advances in social science, education and humanities research: Proc. Intern. Conf. Communicative Strategies of Information Society (Санкт-Петербург, 26–27 октября 2018 г.) Atlantis Press, 2019. T. 289. C. 45–49. DOI: 10.2991/csis-18.2019.9
4. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
5. Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.01
6. Логунова Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1-2. С. 227–253. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253
7. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменолог. социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 334 с.
8. Бергер П. Л., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология / пер. В. Ф. Анурина. М.: Академический проект, 2004. С. 25–398.
9. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социол. знания. М.: Моск. филос. фонд и др., 1995. 322 с.
10. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
11. Бурдье П. Оппозиция современной социологии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 36–50.
12. Семенова В. В., Полухина Е. В., Рождественская Е. Ю., Стрельникова А. В. Социобиографический подход к изучению социальной мобильности: научный замысел и его реализация // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 143–164. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4590
13. Рождественская Е. Ю. Вопрос об истинности нарратива контрпродуктивен // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 53–56.
14. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 725 с.
15. Рождественская Е. Ю. Женская память о войне: биографические траектории остарбайтерок // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: мат-лы XII Междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Калининград, 10–13 октября 2019 г.) Калининград, 2019. С. 377–381.
16. Бурдье П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдье / отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 49–95.
17. Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 2005. С. 10–44.
18. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
19. Denzin N. K. The research act: a theoretical introduction to sociological methods. 3rd ed. Englewood Cliff: Prentice Hall, 1989. 306 p.
20. Знанецкий Ф. В. Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 106–109.
21. Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья вторая // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 132–145.
22. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 289 с.
23. Interpreting Clifford Geertz: cultural investigation in the social sciences / eds. J. C. Alexander, P. Smith, M. Norton. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 216 p.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

24. Ponterotto J. G. Brief note on the origins, evolution, and meaning of the qualitative research concept thick description // The Qualitative Report. 2006. Vol. 11. № 3. P. 538–549.
25. Štajner K. 7000 dana u Sibiru. Zagreb: Globus, 1973. 474 s.
26. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / сост. и общ. ред. Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
27. Логунова Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 126–136.
28. Dvořák J., Formánek J., Hradilek A. V Rusku je všechno naopak // Čechoslováci v Gulagu III. Praha: Česká televize, USTR, 2019. S. 46–57.

original article

Biographic Method in Social Policy Assessment

Vladislav A. Rychkov [a, @, ID]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] Vladislav-rychkov@ya.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5771-2995

Received 07.08.2020. Accepted 20.10.2020.

Abstract: The article describes a case of applying biographical method to the study of the memory policy. The research featured archival sources, personal documents, and published family memoirs of foreign citizens repressed in the 1930s. The paper demonstrates advantages of using the method as part of interdisciplinary approach in a hybrid methodological complex and describes various techniques of the hybridization procedure. The hybrid methodological approach made it possible to reconstruct a person's life path against the background of the historical situation in the country, to understand the context of their lives, their meanings and goals in specific historical conditions. The comparative analysis of the biographies resulted in a typical biographical situation and a typical life path of a repressed foreigner in Russia. Against the background of the typical fate of repressed foreigners, each individual biography emphasizes both the striking similarity of the scenarios and the unique experience. The biographical method proved efficient in studying the memory policy, embodied in different scenarios. The author believes that Russia needs to develop a policy of memory as it could bring to harmony various narratives and meanings, thus strengthening the civil solidarity.

Keywords: social memory, memory policy, sociocultural approach, qualitative research paradigm, hybrid methodological complex

For citation: Rychkov V. A. Biographic Method in Social Policy Assessment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 486–495. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

References

1. *Social and political mobilization: a microsociological analysis*, ed. Shpak L. L., 2nd ed. Kemerovo: KemGU, 2015, 368. (In Russ.)
2. Logunova L. Yu. Hybrid research complex strategies and techniques. *Innovations in technology and education*: Proc. VII Internation. Sci.-Prac. Conf., Belovo, March 28–29, 2014. Belovo-Veliko Tarnovo, 2014, pt. 4, 133–137. (In Russ.)
3. Logunova L. Yu., Mazhenina E. A., Nyatina N. V. Methods of collecting and analyzing of civil initiatives to improve the life-support system. *Advances in social science, education and humanities research*: Proc. Intern. Conf. Communicative Strategies of Information Society, St. Petersburg, October 26–27, 2018. Atlantis Press, 2019, vol. 289, 45–49. DOI: 10.2991/csis-18.2019.9
4. Geertz K. *The interpretation of cultures*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 557. (In Russ.)
5. Rozhdestvenskaya E. Y., Semenova V. V. Qualitative methodology as a tool for social forecasting: opportunities and limitations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, (3): 1–11. (In Russ.) DOI: 10.14515monitoring.2017.3.01
6. Logunova L. Yu. Historical and social memory: paradoxes and implications. *Idei i idealy*, 2019, 11(1-2): 227–253. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

7. Schütz A. *The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*, trs. Alkhasov A. Ia., Mazlumianova N. Ia. Moscow: In-t Fonda "Obshchestv. mnenie", 2003, 334. (In Russ.)
8. Berger P. L., Berger B. Sociology: biographical approach. *Personality-oriented sociology*, tr. Anurina V. F. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004, 25–398. (In Russ.)
9. Berger P. L., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. Moscow: Mosk. filos. fond i dr., 1995, 322. (In Russ.)
10. Bloch M. *Apologie pour l'histoire ou métier d'historien*, tr. Lysenko E. M., 2nd ed. Moscow: Nauka, 1986, 254. (In Russ.)
11. Bourdieu P. Opposition to modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996, (5): 36–50. (In Russ.)
12. Semenova V. V., Polukhina E. V., Rozhdestvenskaya E. Yu., Strelnikova A. V. Socio-biographical approach to social mobility: concept and it's realization. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2016, 22(3): 143–164. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4590
13. Rozhdestvenskaya E. Yu. The question of the truth of a narrative is counterproductive. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, (2): 53–56. (In Russ.)
14. Ricoeur P. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Moscow: Izd-vo gumanit. lit., 2004, 725. (In Russ.)
15. Rozhdestvenskaya E. Yu. Women's memory of war: biographical trajectories of women-Ostarbeiters. *Women and men in migration processes of the past and present*: Proc. XII Intern. Sci. Conf. of the Russian Association of Researchers of Women's History and N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Kaliningrad, October 10–13, 2019. Kaliningrad, 2019, 377–381. (In Russ.)
16. Bourdieu P. Clinical sociology of the field of science. *Socio-analysis of Pierre Bourdieu*, ed. Shmatko N. A. Moscow: In-t eksperim. sotsiologii; St. Petersbug: Aleteiia, 2001, 49–95. (In Russ.)
17. Oberemko O. A., Yadov V. A. General theoretical approaches to the analysis of social development and social change. *Social transformations in Russia: theory, practice, comparative analysis*, ed. Yadov V. A. Moscow: Flinta; Moskovskii psikhologo-sotsialnyi institut, 2005, 10–44. (In Russ.)
18. Sztompka P. *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, tr. Chervonnaia S. M. Moscow: Logos, 2005, 664. (In Russ.)
19. Denzin N. K. T*he research act: a theoretical introduction to sociological methods*, 3rd ed. Englewood Cliff: Prentice Hall, 1989, 306.
20. Znanetskii F. V. Memoirs as an object of research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1989, (1): 106–109. (In Russ.)
21. Soloviev E. Yu. Biographical analysis as a type of historical and philosophical research. Article two. *Voprosy filosofii*, 1981, (9): 132–145. (In Russ.)
22. Semenova V. V. *Qualitative methods: an introduction to humanistic sociology.* Moscow: Dobrosvet, 1998, 289. (In Russ.)
23. *Interpreting Clifford Geertz: cultural investigation in the social sciences*, eds. Alexander J. C., Smith P., Norton M. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011, 216.
24. Ponterotto J. G. Brief note on the origins, evolution, and meaning of the qualitative research concept thick description. *The Qualitative Report*, 2006, 11(3): 538–549.
25. Štajner K. *7000 dana u Sibiru*. Zagreb: Globus, 1973, 474. (In Croat.)
26. Schütz A. *Selected: A world glowing with meaning*, comp. and ed. Smirnova N. M. Moscow: ROSSPEN, 2004, 1054. (In Russ.)
27. Logunova L. Yu. The impact of historical trauma on the family and ancestral memory of Siberians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, (9): 126–136. (In Russ.)
28. Dvořák J., Formánek J., Hradilek A. *Čechoslováci v Gulagu III*. Praha: Česká televize, USTR, 2019, 46–57.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License